

УДК 32.001

РЫНОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ И РЕВАНШ НАЦИОНАЛИЗМА

Волобуев Алексей Викторович, канд. филос. наук, доц.
Департамент Социологии истории и философии Финансового университета,
МАДИ, Россия, 125319, Москва, Ленинградский пр., 64,
ekaterina.kosolapova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена социально-философскому обзору идеологии рыночного фундаментализма, рассматриваемой через призму сакрализации идей и текстов классической экономической теории, в первую очередь, понятий «свободный рынок» и «невидимая рука рынка». Рассматриваются ключевые положения рыночного фундаментализма, его воплощение в доктрине «Нового государственного управления», а также самая значимая организация рыночных фундаменталистов – американская «Партия чаепития». Рыночный фундаментализм сопоставляется с религиозным фундаментализмом и рассматривается в контексте глобализации, распространения коньюмеристской системы ценностей и постиндустриального, постсекулярного общества. В статье приводятся современные исследования проблемы рыночного фундаментализма и его всесторонняя критика.

Ключевые слова: фундаментализм, рыночный фундаментализм, невидимая рука рынка, социальная философия, политическая философия, философия религии, Партия Чаепития.

MARKET FUNDAMENTALISM AND RENEW OF NATIONALISM

Volobuev Aleksey V. associate professor,
Department of Sociology, History and Philosophy of the Financial University,
MADI, 64, Leningradsky Prosp., Moscow, 125319, Russia, ekaterina.kosolapova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a socio-philosophical review of the ideology of market fundamentalism, considered through the lens of sacralization of ideas and texts of classical economic theory, first of all, the concepts of "free market" and "invisible hand of the market." The key provisions of market fundamentalism, its embodiment in the doctrine of "New Public Administration," as well as the most significant organization of market fundamentalists - the American Tea Party are considered. Market fundamentalism is compared with religious fundamentalism and is viewed in the context of globalization, the spread of the consumerist value system, and post-industrial, post-sectorial society. The article

provides modern research on the problem of market fundamentalism and its comprehensive criticism.

Key words: fundamentalism, market fundamentalism, invisible hand of the market, social philosophy, political philosophy, religion philosophy, Tea Party.

Определение понятий «фундаментализм» и «рыночный фундаментализм»

Термин «фундаментализм», закрепившийся в социологической и религиозно-философской литературе в начале XX века на протяжении почти всего этого века использовался почти исключительно для характеристики религиозных учений и течений, противопоставлявших себя либерализму и реформаторству, рассматривающих священные для данной традиции тексты как непререкаемый авторитет, требующий буквального прочтения и следования. Но к концу XX века подобные идеи, характерные больше для религиозного мышления, стали проявляться и в политэкономии. Иронично, что один из самых ярких примеров нерелигиозного фундаментализма, - рыночный фундаментализм, опирается во многом на неолиберальную идеологию, а в настоящее время является одним из самых радикальных учений в неолиберальной идеологии.

Рыночный фундаментализм (“market fundamentalism” или “free market fundamentalism”) представляет собой систему верований, построенную вокруг идеи о том, что свободный рынок, как он описан в работах классической экономической теории, может предоставить товары и услуги с наилучшим соотношением цена/качество, решить все экономические, социальные и политические проблемы. Рыночные фундаменталисты воспринимают тексты классиков экономической теории (А.Смита, Д.Рикардо и др.) как непререкаемо авторитетные, а основные убеждения рыночных фундаменталистов можно свести к следующим пунктам:

1. Свободный рынок является лучшим регулятором любых экономических отношений.
2. Частная собственность всегда эффективнее государственной.
3. Государство всегда будет тратить деньги менее эффективно, чем граждане, поэтому снижение налогов всегда приводит к более эффективной экономике.
4. Регуляторные меры в отношении бизнеса всегда неэффективны, непродуктивны и приводят к созданию дополнительных издержек там, где их не должно было быть. Государственная регуляция, по сути, является формой монополизации.
5. Государственная поддержка людей или предприятий всегда оборачивается вредом и для людей, которых государство поддерживало, и для рынка в целом, так как ведёт к снижению конкурентоспособности, в связи с чем предприятие или человек уже не могут обходиться без господдержки далее.

Основные идеи и направления «рыночного фундаментализма»

Американский социолог Кевин Ляйхт в своей статье «рыночный фундаментализм, культурная фрагментация, пост-модернистский скептицизм и будущее профессиональной работы» перечисляет ещё несколько характерных для этого движения радикальных тезисов.

«Рынок решит, что правильно. Свободный рынок становится локусом человеческого совершенства» [1, с. 105]. Ни один эксперт не способен принимать решения и делать выбор также эффективно, как это сделал бы рынок. Дайте свободному рынку возможность принять решение самостоятельно.

«Не должно быть никаких аттестаций и лицензий». Это просто попытки создать монопольную ренту. Потребители сами сделают выбор, который для них оптимален, а сертификация и лицензирование являются

просто попыткой извлечь прибыль за счет потребителей, заставив их оплатить бесполезные бюрократические процедуры.

Рынок естественным путём наградит тех, кто предлагает наиболее качественные товары и услуги по наименьшим ценам. Этичное и неэтичное поведение фирм по отношению клиентов будет влиять на репутацию фирм, которая является важным конкурентным фактором. Фирмы, ведущие себя неэтично по отношению к клиентам, разрушат свою репутацию и будут естественным образом «вымыты» с рынка.

Не ограниченная регламентами и лицензиями конкуренция между многочисленными специалистами, которые естественным образом займут все ниши на рынке, позволит сократить издержки и зарплаты до минимума при обеспечении максимума качества услуг.

Финансовые кризисы 1987 и 2008 сделали подобные идеи популярными, составив ядро противостоящему концепции социального государства New Public Management («Новое государственное управление»). Новое государственное управление, по сути, представляет собой экстраполяцию вышеперечисленных принципов на организацию государственной власти, представляя её как предоставление услуг населению.

Ключевыми пунктами Нового государственного управления являются (см. 2):

1. Дезагрегация или разукрупнение. Огромные и неповоротливые бюрократические структуры должны быть сменены сетью меньших с большей скоростью принятия решений, меньшей способностью поглощать все попытки реформирования, «не выметая сор из избы», внедрения эффективных систем отрицательной обратной связи, которая позволяла бы меньшим структурам использовать небюрократические формы управления.

2. Конкуренция. Необходимо разделить покупателей и поставщиков услуг, чтобы больше форм деятельности могли стать объектом конкурентной борьбы, лучше всего, если в конкуренцию будут включены и государственные, и частные компании. Достаточно ярким примером такого подхода являются частные тюрьмы в США, где в самом деле можно зарабатывать деньги, обеспечивая услуги по содержанию преступников в заключении, если частной компании удастся выиграть тендер. Такой подход позволяет избавиться от неповоротливости государственной бюрократии и её зависимости от принятия решений наверху.

3. Стимулирование. Переход от службы в иерархической бюрократизированной структуре, где мотивация подавляющего большинства сотрудников является негативной, а боязнь совершить промашку полностью подавляет инициативу («как бы чего не вышло») к рыночной системе с личной ответственностью за выполнение или невыполнение тех или иных измеримых показателей. Для каждой должности вводится система KPI. (Key Performance Indicator) — это показатель достижения успеха в определенной деятельности или в достижении определенных целей. Важно отметить, что KPI — это количественно измеримый индикатор фактически достигнутых результатов. Этот термин, который стал неотъемлемой частью современного менеджмента и корпоративной культуры, чаще всего переводится как «ключевой показатель эффективности». Этот вариант нельзя назвать совершенно точным: эффективность характеризует соотношение между достигнутым результатом и затраченными ресурсами, а с помощью KPI измеряются и другие параметры деятельности сотрудников и подразделений. Корректным вариантом является перевод «Ключевой показатель деятельности». Оценка эффективности сотрудников, подразделений и системы в целом проходит именно через

постановку и достижение системы КРІ, в результате чего эффективные сотрудники и подразделения награждаются.

Вероятно, самым ярким примером рыночного фундаменталистского течения можно назвать «Движение Чаепития» («Tea movement») в США. Сложилось это направление в политическом дискурсе США сравнительно недавно: к 2006-2009 году движение можно назвать окончательно оформившимся, а первые упоминания о нём относятся к 1990-м годам. Само название движения «Tea movement» представляет собой ссылку на одно из основополагающих событий истории США – «Бостонское чаепитие» 16 декабря 1773 года, которому суждено было стать определяющим в истории Североамериканских колоний и искрой, из которой разгорелось пламя войны за независимость Североамериканских колоний. Наиболее важным лозунгом американских граждан, которые выкинули за борт груз чая в Бостоне, был «нет налогов без представительства» - именно к этому лозунгу отсылает название современного «Движения Чаепития». Помимо этого, название движения можно рассматривать как акроним «ТЕА», который представители движения расшифровывают как «taxed enough already!» («хватит уже налогов!»). Контекст, в котором это движение сформировалось стало популярным в США, а также основные пункты своего рода программы «Партии чаепития» можно вкратце пересказать следующим образом.

Движение принято характеризовать как группу «фискальных консерваторов» в рамках Республиканской партии США. Это движение появилось в начале XXI века (веб-сайт www.usteaparty.com работает с 2002 года) и оформилось в 2009 году в ответ на ряд мер, принятых администрацией тогдашнего Президента США Барака Обамы, которые были направлены на социальную поддержку масс малоимущих граждан США, наиболее известным из которых был акт о поддержке тех малоимущих граждан, которые не могли расплатиться по ипотечным

кредитам в результате обвала рынка недвижимости в 2008 году и последующего экономического кризиса. Сюда же можно отнести и “American Recovery and Reinvestment Act of 2009” и “Healthcare reform legislation” (будущий «Obamacare»). Автор не может отказать себе в удовольствии упомянуть ряд крайней эксцентричных инициативных законопроектов, которые привлекли внимание протестующих. Например, это абсолютно феерический налог на ожирение, направленный на борьбу с факторами, вызывающими эту болезнь, от которой страдала (и продолжает страдать) значительная часть населения США. Суть данной законодательной инициативы заключалась, разумеется, не в обложении налогом самих ожиревших граждан, а в введении специального налога на особо вредные продукты и рестораны быстрого питания, пристрастие к которым делает набор лишнего веса быстрым и дешёвым. Инициатива была предложена ещё до реального введения подобных законов в некоторых странах (например, в Швейцарии) и воспринималась протестующими как нечто из ряда вон выходящее. В целом, и, в общем, сторонников объединяет призыв к возвращению к фундаментальным ценностям свободного рынка, а текущие экономические проблемы и финансовые кризисы сторонники движения объясняют отходом от этих самых фундаментальных ценностей и превращение государства вместо «ночного сторожа» согласно «заветам» Адама Смита и других классических учёных-экономистов, в крайне неповоротливую машину перераспределения прибылей с помощью высоких налогов и создания бюрократической ренты с помощью государственного регулирования (“red tape”) и законодательных ограничений.

Главным объектом нападков сторонников «Движения чаепития» является вмешательство государства в экономику и государственное регулирование экономики в любом его виде. Они считают, что за медленное восстановление экономики после экономического кризиса 2008

года ответственна «тяжёлая ноша» вредного государственного регулирования экономики и та административная рента, которая этим регулированием создаётся. В качестве примера обратимся к самим представителям этого движения в государственном аппарате США. Вот так высказывается на эту тему конгрессмен из Мичигана Джастин Эмэш: «Федеральные программы стимулирования совместно с попытками правительства манипулировать предложением денег приводят к стремительному ухудшению ситуации с инфляцией и госдолгом» [3]. Попытки государства регулировать монетарную политику и манипулировать денежной массой были губительны для экономики. По мнению одного из сторонников движения, конгрессмена от штата Арканзас Тима Гриффина, «лучший способ обеспечить экономический рост и создавать рабочие места – дать больше денег в карманы налогоплательщиков» [3]. Стоит отметить, что, требуя возврата к фундаментальным основам свободного рынка, «Движение чаепития» критикует как монетаристскую политику в духе «Венской школы», так и кейнсианские меры, связанные со стимулированием экономики, т.е. бьёт по парадигмам и неклассической, и постклассической экономики, твёрдо выступая за возврат к идеям и принципам классической экономической теории. Тим Гриффин видит корень основной массы экономических проблем именно в отходе от принципов классической экономической школы и взваливании на государство функций, которые должен выполнять свободный рынок, что и приводит к непомерному росту налогов, неэффективности неповоротливого административного аппарата и, как следствие, созданию административной ренты, которую выплачивают налогоплательщики. Необходимо вернуться к модели «государство – ночной сторож», государство не должно брать на себя задачи, которые оптимальным образом решит «невидимая рука рынка» - главная идеологема рыночного фундаментализма. По мнению автора, подобная

система идей в сущности является фундаменталистской, хотя это и не религиозный фундаментализм.

Критика «рыночного фундаментализма»

Стоит отметить, что термин «рыночный фундаментализм» («free market fundamentalism») популяризировал в своей книге «Кризис мирового капитализма: открытое общество в опасности» широко известный олигарх Дж. Сорос: «именно рыночный фундаментализм превратил мировую капиталистическую систему в непрочную и недолговечную» [4].

Другие примеры использования данного термина также подтверждают негативную коннотацию: «Теории, в развитии которых я принимал участие, объясняют, почему неконтролируемый рынок часто не только не приводит к социальной справедливости, но даже не даёт эффективных результатов. Любопытно, что не было никакого интеллектуального вызова концепции «невидимой руки рынка» Адама Смита: индивиды и фирмы, следующие своим интересам, совсем необязательно ведёт к эффективности некая невидимая рука» [5].

Обратим внимание, что в политэкономической публицистике термин используется с ярко выраженной негативной коннотацией. С чем это связано? В первую очередь, с ригоризмом, даже иррациональностью сторонников рыночного фундаментализма, внедряющих свои принципы даже в те области, где они явно неприемлемы, например, в систему здравоохранения и образования.

Термин «фундаментализм», родившись в экзегетике и выросши в религиоведении, стал часто использоваться применительно к нерелигиозным экономическим и политическим течениям в публицистике и в СМИ. Но в академических работах в таком контексте он встречается нечасто, социология и политология используют его с осторожностью. Например, американские социологи Ф. Блок и М. Соммерс вынесли этот термин в заглавие своей книги «Сила рыночного

фундаментализма» [6] («The Power of Market Fundamentalism. Karl Polanyi's Critique») проведя социологический анализ рыночного фундаментализма. Появление подобных публикаций в области социологии, политологии и экономической науки является, на взгляд автора, убедительным доказательством признания реальности экономического и политического фундаментализма современной наукой.

Фундаментализм в контексте глобализации

Стоит отметить, что фундаментализм и традиционализм – совершенно разные понятия, их нельзя сводить друг к другу. Неважно, идёт ли речь о религиозном или нерелигиозном фундаментализме. «Фундаментализм – далеко не синоним термина «традиционализм», это скорее один из возможных путей обновления традиции, сочетающий в себе переработанные, идеалистически представленные элементы традиции и инновации – в той степени, в которой они необходимы для установления идеала. Фундаментализм родствен Традиции, но он не исчерпывается ею, а всегда является ответом мифологизированной Традиции на вызов со стороны Современности» [7, с. 18]. Фундаментализм носит во многом иррациональный характер, стремясь снять наиболее острые общественные противоречия путём возврата к прошлому, в котором этих противоречий ещё не было (или якобы не было).

Рыночный фундаментализм развивается в контексте глобализации. В глобальном масштабе мир трансформируется из колониального в неоколониальный. «Глобальный неоколониализм – это система неравноправных экономических и политических отношений, навязанных западными странами всему остальному миру, основанная на их военной мощи и деятельности монополистического капитала, международных финансовых организаций и ТНК» [8]. Глобальная система разделения труда консервирует целые страны в поределённой экономической «нише». «Страны, менее развитые в области науки и технологий, получают свое

место, которое очень трудно изменить <...>. Транснациональный рынок, декларируя всеобщую конкурентность, заинтересован в сохранении его специализированности и ограничении возможности изменения его конфигурации» [9].

Система ценностей общества высокого потребления, причем ценностей именно западного современного и постмодерного типа, агрессивно вытесняет традиционные системы ценностей, в обещаниях всеобщего благоденствия и потребительского рая недостатка нет, но из-за усугубления проблемы неравномерности развития, а также и внутренних проблем развитых стран, этот «рай» все больше отдаляется от большинства людей и уже превратился в «ад» для многих.

Культурные факторы также вносят свой вклад. Глобальная унификация культуры и «макдональдизация» общества размывает локальные культурные идентичности. Потеря причастности к этнокультурной или этноконфессиональной общности в стремительно теряющем свои границы мире приводит человека в различные группы по интересам, в том числе в религиозные общины, где проповедуется идея исключительности адептов данной религиозной группы и вводится четкая граница между «своими» и «чужими». Потребность в тождестве со «своими» никто не отменял, она является неискоренимой потребностью человека как социального существа, что бы при этом ни вещал постмодерн [10].

Религиозный фундаментализм

Наиболее распространенной формой существования фундаментализма является религиозный фундаментализм, который особенно активно развивается на почве монотеистических религий. Евангелический фундаментализм и исламский фундаментализм – наиболее яркие проявления этого феномена на данный момент. Факторами, повышающими вероятность формирования фундаменталистских движений

в рамках той или иной традиции, являются наличие сакрального текста, который может стать непогрешимым источником знаний, регламентирующим общественную жизнь, наличие института, стремящегося установить монополию на истолкование этого текста и генерацию смыслов. Фундаментализм, будучи социальным, а не сугубо религиозным явлением, может эволюционировать не только на основе религии, но и на основе любой идеологии. Важный фактор его возникновения и радикализации – наличие угрозы идентичности определенной социальной группы. Фундаменталисты, в особенности фундаменталистские экстремисты, убеждены, что являются защитниками правды, они уверены, что были избраны Богом или являются орудием чего-то сакрального, чтобы предпринимать решительные действия против своих врагов. Таким образом, их символическое или физическое насилие легитимно и оправдано. Сакральное насилие является, с одной стороны, естественным ответом на насилие, осуществляемое всей культурой модерна; с другой – логичным последствием зова великой миссии, который фундаменталист слышит из области сакрального. Этим сакральным необязательно должно быть нечто сверхъестественное, ведь это может быть, например, такая абстракция, как «невидимая рука рынка». Кажущееся противоречие между религиозным характером фундаментализма вообще и светским характером классической экономической теории является иллюзорным. Сторонники рыночного фундаментализма иррационально убеждены в абсолютной эффективности «невидимой руки рынка» и предаются ей так же, как верующий – Богу или другой религиозной сущности, характерной для нетеистических религий. В подтверждении адекватности такого взгляда на рыночных фундаменталистов можно привести эксклюзивность данной идеологии, то есть неприемлемость для адептов этого учения любой другой точки зрения, подразумевающей вмешательство в экономику. Что же касается

политической ориентации рыночных фундаменталистов, то она связана со сворачиванием институтов глобализации и реваншем национализма. Именно поэтому рыночный фундаментализм в наибольшей степени исповедуют республиканцы-трамписты. Почему рыночный фундаментализм имеет такие сильные позиции в наиболее экономически благополучных странах, таких, как США и Великобритания, несмотря на свой радикализм? У этого есть и геополитическая подоплёка. Развитие социального государства в этих странах происходило на фоне Холодной войны. Поскольку больше нет «коммунистической угрозы», ультраконсервативные идеи в США, применявшиеся для борьбы ещё с «Новым курсом» Франклина Рузвельта, нашли возможность «выйти из тени» потребовать отмены всех уступок, на которые государства пошли во время существования «коммунистической угрозы». Разумеется, политическая ситуация и люди в XXI веке уже и иные, что и обуславливает трансформацию политической повестки данных идеологов с охранительно-консервативной на фундаменталистское «вперёд в прошлое!».

Заключение

Современные исследователи будущего цивилизации озабочены усилением глобальных кризисов, экологического, социального, политического. [11] Возможно, фундаментализм в современном глобализованном мире является одной из форм адаптации человека к претерпевающим метаморфозы условиям общественной жизни, а больших групп людей – к вызовам будущего. Можно сказать, что фундаментализм имманентно присущ современному глобализированному обществу, но это не значит, что общество должно терпеть его проявления, не противопоставляя новых современных решений в ответ на его вызовы.

Список литературы

1. Kevin, T. Leicht. Market fundamentalism, cultural fragmentation, post-modern skepticism, and the future of professional work // *Journal of Professions and Organization* - Issue 3, 2016 - pp. 103-117.
2. Dunleavy, P., Margetts, H., Bastow, S., and Tinkler, J. (2005) New Public Management is Dead-Long Live Digital-Era Governance // *Journal of Public Administration Research and Theory*, 16: 467–94.
3. The 10 Fiscal Commandments of the Tea Party. - URL: <http://www.huffingtonpost.com/>
4. The Crisis Of Global Capitalism: Open Society Endangered. – NY, 1998 – 288p.
5. Stiglitz, Joseph E. The pact with the devil. / Beppe Grillo's Friends interview. - URL: <http://www.beppegrillo.it/eng/2007/01/stiglitz.html>
6. The Power of Market Fundamentalism. Karl Polanyi's Critique. Harvard University Press Cambridge, MA, 2014 – 312 p.
7. Яковлев, А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму / А.И. Яковлев // Вестник Московского университета. - Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. - 2013. - № 4 – С. 4-37
8. Горелов, А.А. От мировой колониальной системы до глобального неокOLONIALИЗМА / А.А. Горелов // Век глобализации. – 2014. – № 2 (14). – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/glob2-2014/25179-ot-mirovoy-kolonialnoy-sistemy-do-globalnogo-neokolonializma.html> (дата обращения 03.01.2019).
9. Глобализация и угрозы унификации / В.В. Миронов // Век глобализации. – 2012. – №1 (9). - URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/-1-9-2012/14389-globalizaciya-i-ugrozy-unifikacii.html> (дата обращения 03.01.2019).
10. Кнабе, Г.С. Жажда тождества: Культурно-антропологическая идентификация / Г.С. Кнабе // Вчера. Сегодня. Завтра. – URL: http://ivgi.rsuh.ru/binary/614214_34.1290975274.94221.pdf (дата обращения 20.12.2018).
11. Косолапова, Е.А. За гранью будущего / Е.А. Косолапова // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. – 2019. – № 2(20)

References

1. Kevin, T. Leicht. *Journal of Professions and Organization*, 2016, Issue 3, pp. 103-117.
2. Dunleavy, P., Margetts, H., Bastow, S., and Tinkler, J. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2005, 16: 467–94.
3. URL: <http://www.huffingtonpost.com/>
4. The Crisis Of Global Capitalism: Open Society Endangered, NY, 1998, 288p.
5. Stiglitz, Joseph E. URL: <http://www.beppegrillo.it/eng/2007/01/stiglitz.html>

6. The Power of Market Fundamentalism. Karl Polanyi's Critique. Harvard University Press Cambridge, MA, 2014, 312 p.
7. Yakovlev A.I. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. - Ser. 25. *Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika*, 2013, no. 4, pp. 4-37
8. Gorelov A.A. *Vek globalizatsii*, 2014, № 2 (14). - URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/glob2-2014/25179-ot-mirovoy-kolonialnoy-sistemy-do-globalnogo-neokolonializma.html>.
9. Mironov V.V. *Vek globalizatsii*. 2012, No. 1 (9). - URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/-1-9-2012/14389-globalizaciya-i-ugrozy-unifikacii.html>.
10. Knabe, G.S. *Vchera. Segodnya. Zavtra*. - URL: http://ivgi.rsuh.ru/binary/614214_34.1290975274.94221.pdf.
11. Kosolapova, Ye.A. *Avtomobil. Doroga. Infrastruktura*, 2019, № 2(20)

Рецензент: М.Г. Штракс, канд. филос. наук, проф., МАДИ